

The II, III and IV Symphonic Meetings of the Philharmonic Society (October 20 and 27 and November 3) took place under the direction of Rachmaninoff, who performed some works with amazing force and mastery (Arensky's variations, Grieg's suite and Tchaikovsky's symphony), but on the other hand, very scholastically conveyed the symphonies of Mozart and Mendelssohn and the lesser works of Weber, Liszt and others. When in the same concert one had to hear a subtle and loving transfer of Arensky's rather pale variations and an academically dry and very ponderous performance of Mozart's symphony, the thought involuntarily arose that Rachmaninoff was wasting his time on trifles and was more interested in pleasant and sweet music, than creations of truly great art. When, upon returning home, you begin to think about Rachmaninoff's programs, it becomes a shame that such an infinitely gifted musician does not care about giving a serious and truly significant character to a concert enterprise with all the means. Not only did the conductor not bother to compile programs from fresh works, he even crossed out the most recent numbers (Bach, Rameau, Brahms and Ravel) from his seasonal prospectus. The soloists at the final concerts were the singer Ilona Durigo, who sang very palely three Wagner songs, Grieg's "Letzter Frühling," and Liszt's "Lorelei," the baritone Baklanov, and the pianist Hofmann. The latter greatly disappointed his admirers with his lacklustre performance of Tchaikovsky's First Concerto. One could demonstrate one's correct attitude to the letter of a work of art and the infinite perfection of technique in anything, but not in Tchaikovsky's concerto, with which we have all become so closely acquainted and which was so comparatively recently interpreted with astonishing depth by Rachmaninoff. [...] Gr. Prokofiev

[Translation: Google]

II, III и IV симфоническія собранія Фи-лармон. Общ. (20 и 27 октября и 3 ноября) прошли подъ упр. Рахманинова, съ удиви-тельной силой и мастерствомъ исполнившаго нѣкоторыя произведенія (варіацій Аренскаго, сюиту Грига и симфонію Чайковскаго), но за то весьма схоластично передавшаго симфо-нии Моцарта и Мендельсона и болѣе мелкія произведенія Вебера, Листа и др. Когда въ одномъ и томъ же концертѣ приходилось слышать тонкую и любовную передачу доста-точно блѣдныхъ варіацій Аренскаго и акаде-мически-суховатое и весьма тяжеловѣсное исполненіе симфоніи Моцарта, невольно воз-никала мысль о томъ, что Рахманиновъ размѣ-нивается на мелочи и больше интересуется пріятной и сладкой музыкой, чѣмъ созданіями истинно великаго искусства. Когда же, придя домой, начинаешь раздумывать о программахъ Рахманинова, становится обидно, что такой безконечно одаренный музыкантъ не забо-тится о придачѣ серіознаго и подлинно зна-чительнаго характера обладающему всѣми средствами концертному предпріятію. Мало того, что дирижеръ не позаботился о соста-вленіи программъ изъ незатасканныхъ произ-веденій, онъ даже изъ своего сезоннаго проспекта вычеркнулъ наиболѣе свѣжіе нумера (Баха, Рамо, Брамса и Равеля). Солистами

(Баха, Рамо, Брамса и Равеля). Солистами отчетныхъ собраній были пѣвица Илона Ду-риго, очень блѣдно спѣвшая три пѣсни Ваг-нера, «Letzter Frühling» Грига и «Loreley» Листа, баритонъ Баклановъ и піанистъ Гоф-манъ. Этотъ послѣдній очень разочароваль своихъ почитателей блѣднымъ исполненіемъ перваго концерта Чайковскаго. Показать

свое корректное отношеніе къ буквѣ художествен-наго произведенія и безконечное совершен-ство техники можно было на чемъ угодно, но только не на концертѣ Чайковскаго, съ которымъ мы всѣ такъ тѣсно сжились и ко-торый такъ сравнительно недавно былъ уди-вительно глубоко истолкованъ Рахманиновымъ.